Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ об Абд-Аллахе ибн Фадиле

Рассказ об Абд-Аллахе ибн Фадиле, ночи 978-983
Рассказ об Абд-Аллахе ибн Фадиле, ночи 984-989

Рассказывают также, о счастливый царь, что халиф Харун ар-Рашид проверял в какой-то день харадж с земель и увидел, что харадж из всех земель и стран уже прибыл в казну, кроме хараджа Басры, - он не прибыл в этом году.

И Халиф созвал диван по этой причине и сказал: "Ко мне везиря Джафара!" И когда тот предстал меж его рук, сказал ему: "Харадж из всех стран прибыл в казну, кроме хараджа Басры, оттуда не прибыло ничего". - "О повелитель правоверных, - сказал Джафар, - может быть, у наместника Басры случилось дело, которое отвлекло его от отсылки хараджа". И ар-Рашид молвил: "Срок прибытия хараджа был двадцать дней назад. В чем же оправдание наместника за все это время - он не прислал хараджа и не прислал ничего, чтобы подтвердить свое оправдание". - "О повелитель правоверных, - сказал Джафар, - если хочешь, мы пошлем к нему посланца". - "Пошли к нему Абу-Исхака Мосульского, собутыльника", - сказал халиф. И Джафар ответил: "Слушаю и повинуюсь Аллаху и тебе, о повелитель правоверных!"

И затем везирь Джафар пошел к себе домой и, призвав Абу-Исхака Мосульского, собутыльника, написал ему благородный указ и сказал: "Отправляйся к Абд-Аллаху ибн Фадилю, наместнику города Басры, и посмотри, что отвлекло его от посылки хараджа, и затем прими от него харадж Басры, полностью и до конца, и привези его ко мне скорее. Халиф проверил харадж всех стран и увидел, что отовсюду он прибыл, кроме Басры. А если ты увидишь, что харадж не готов, и Абд-Аллах будет оправдываться, то привези его с собой, чтобы он высказал халифу оправдание своим языком".

И Абу-Исхак ответил вниманием и повиновением и, взяв пять тысяч всадников из своего войска, ехал, пока не достиг города Басры. И Абд-Аллах ибн Фадиль узнал о его прибытии, и вышел к нему со своим войском, и встретил его, и вступил с ним в Басру, и поднялся в свой дворец, а остальные воины расположились в шатрах, подле Басры, и Ибн Фадиль назначил им все, что им было нужно. Абу-Исхак же вошел в диван и, сев на престол, посадил Абд-Аллаха ибн Фадиля с собой рядом, а вельможи сели вокруг него, сообразно своим степеням. И затем, после приветствия, ибн Фадиль спросил: "О господин, что за причина твоего прибытия к нам?" - "Причина та, - отвечал Абу-Исхак, - что я пришел потребовать харадж. Халиф спрашивал о нем, и время его прибытия прошло". - "О господин, - воскликнул Абу-Аллах, - чтобы тебе не утомляться и не переносить затруднений путешествия! Харадж готов, полностью и совершенно, и я собирался отослать его завтра, но раз ты прибыл, я вручу его тебе после угощения в три дня и на четвертый день доставлю харадж к тебе. Но теперь обязательно нужно предложить тебе подарок - часть твоей милости и милости повелителя правоверных". И Абу-Исхак сказал: "Это недурно".

А затем Абд-Аллах распустил диван и ввел Абу-Исхака в комнату в своем доме, которой нет равной, и расстелил перед ним и его приближенными скатерть с едой, и они стали есть и пить, и наслаждаться, и веселиться.

А затем стол был убран и руки вымыты, и пришло кофе и напитки, и все просидели за беседой до первой трети ночи. И Абу-Исхаку постлали постель на ложе из слоновой кости, украшенном рдеюшим золотом, и он лег на нем, а наместник Басры лег на другом ложе, рядом с ним.

И одолела бессонница Абу-Исхака, посланца повелителя правоверных, и он стал размышлять о размерах стихов и о нанизанной речи, так как он был одним из приближенных собутыльников халифа, и была у него большая осведомленность в стихах и тонких рассказах. И он бодрствовал, сочиняя стихи, до полуночи. И когда это было так, вдруг Абд-Аллах ибн Фадиль встал, затянул пояс и, открыв шкаф, взял оттуда бич, а затем он взял горящую свечу и вышел из дверей комнаты, думая, что Абу-Исхак спит..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот семьдесят девятая ночь

Когда же настала девятьсот семьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аддах ибн Фадиль вышел из дверей комнаты, думая, что Абу-Исхак, собутыльник, спит. И когда он вышел, Абу-Исхак удивился и сказал про себя; "Куда идет Абд-Аллах ибн Фадиль с этим бичом? Может быть, он хочет кого-нибудь пытать. Я обязательно за ним последую и посмотрю, что он будет делать сегодня ночью".

И затем Абу-Исхак поднялся и пошел за Абд-Аллахом, понемногу, понемногу, так, чтобы тот его не видел. И он увидел, что Абд-Аллах отпер чулан и вынул из него столик, на котором было четыре блюда с кушаньем, и хлеб не приходил к нему от великого удивления, и он говорил про себя: "Смотри-ка! В чем причина этого дела?"

И он не переставал дивиться до утра, а затем все встали и совершили утреннюю молитву, и им поставили завтрак, и люди поели, и выпили кофе, и отправились в диван, и Абу-Исхак был занят этим приключением целый день, но он все скрыл и не спросил о нем Абд-Аллаха.

А на следующую ночь Ибн Фадиль сделал с собаками то же самое и побил их, и помирился с ними, и накормил их, и напоил. И Абу-Исхак последовал за ним и увидел, что он сделал с ними то же, что и в первую ночь, и в третью ночь было то же самое, а после этого он принес харадж Абу-Исхаку, собутыльнику, на четвертый день, и тот взял его и уехал, не сказав ничего.

И он ехал до тех пор, пока не достиг Багдада, и вручил халифу харадж, и потом халиф спросил его о причине задержки хараджа, и Абу-Исхак сказал: "О повелитель правоверных, я увидел, что правитель Басры уже приготовил харадж и хочет отослать его. И если бы я задержался на один день, он бы наверное встретил меня в дороге. Но только я увидел у Абд-Аллах ибн Фадиля диво, подобного которому не видел в жизни, о повелитель правоверных". - "А что это такое, о Абу-Исхак?" - спросил халиф. И Абу-Исхак сказал: "Я видел то-то и то-то". И рассказал о том, что делал Абд-Аллах с собаками. И потом молвил: "Я видел три ночи подряд, как он делал такие дела - бил собак, а после этого мирился с ними и успокаивал их, и кормил, и поил, и я смотрел на него так, что он меня не видел". "Спрашивал ли ты его о причине?" - сказал халиф. И Абу-Исхак ответил: "Нет, клянусь жизнью твоей головы, о повелитель правоверных!" - "О Абу-Исхак, - сказал халиф, - я приказываю тебе вернуться в Басру и привезти ко мне Абд-Аллаха ибн Фадиля вместе с теми двумя собаками". - "О повелитель правоверных, - воскликнул Абу-Исхак, - избавь меня от этого! Абд-Аллах ибн Фадиль оказал мне крайнее уважение, и я проведал об этих обстоятельствах случайно, без намерения, и рассказал тебе. Как же я вернусь к нему и приведу его? Если я к нему вернусь, я не найду на себе лица от стыда перед ним, и подобает послать кого-нибудь другого с указом, написанным твоей рукой, чтобы он привез к тебе Ибн Фадиля и собак". "Если я пошлю к нему другого, он, может быть, станет отрицать это дело и скажет: "Нет у меня собак, - молвил халиф. - Если же я пошлю тебя и ты ему скажешь: "Я тебя видел своими глазами", - он не сможет этого отрицать. Ты непременно должен к нему поехать и привезти его и собак, а иначе - неизбежно твое убиение..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до девятисот восьмидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф Харун ар-Рашид сказал Абу Исхаку: "Ты непременно должен к нему поехать и привезти его и собак, а иначе - неизбежно твое убиение". - "Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, достаточно с нас Аллаха, и благой он промыслитель! ответил АбуИсхак. - Прав был тот, кто сказал:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Бедствие человека - от его языка". И я сам навлек на себя это, когда рассказал тебе. Но напиши мне благородный указ, и я пойду к Ибн Фадилю и приведу его к тебе".

И халиф написал ему благородный указ, и Абу Исхак направился с ним в Басру. И когда он вошел к правителю Басры, тот сказал: "Да избавит нас Аллах от зла твоего возвращения, о Абу Исхак!" - "Почему это, я вижу, ты быстро вернулся? Может быть, харадж недостаточен, и халиф не принял его?" - "О эмир Абд-Аллах, - сказал АбуИсхак, - я возвратился не из-за недостатка хараджа - он доставлен полностью, и халиф принял его. Но я надеюсь, что ты не будешь с меня взыскивать, - я сделал ошибку по отношению к тебе, и то, что из-за меня произошло, предопределено Аллахом великим" - "А что произошло, о Абу-Исхак? Расскажи мне - я тебя люблю и не стану с тебя взыскивать", - молвил ибн Фадиль.

И Абу Исхак сказал: "Знай, что когда я был у тебя, я шел за тобой следом три ночи подряд, когда ты каждую ночь вставал в полночь и мучил собак и возвращался, и я дивился этому, но мне было стыдно тебя спросить. И я рас сказал халифу о твоем деле, случайно, без намерения. И он обязал меня вернуться к тебе, и вот указ, написанный его рукой. Если бы я знал, что дело так обернется, я бы не рассказал ему, но это принесла судьба".

И он стал извиняться перед Абд-Аллахом, и Абд-Аллах сказал ему: "Если ты рассказал халифу, я подтвержу ему твой рассказ, чтобы он не думал, что ты лжешь, так как я тебя люблю. Но если бы рассказал кто-нибудь другой, я бы стал отрицать это и обвинил бы его во лжи. Я поеду с тобой и захвачу собак, хотя бы была в этом гибель моей души и конец моего срока". - "Да покроет тебя Аллах, как ты покрыл мое лицо перед халифом!" сказал Абу Исхак.

И затем Ибн Фадиль взял подарок, подходящий для халифа, и взял собак, на золотых цепях, и взвалил каждую собаку на верблюда, и они ехали, пока не доехали до Багдада. И Абд-Аллах вошел к халифу и поцеловал землю меж его рук, и халиф позволил ему сесть, я Ибн Фадиль сел и велел привести к себе собак.

"Что это за собаки, о эмир Абд-Аллах?" - спросил халиф. И собаки начали целовать землю меж его рук, и шевелить хвостами, и плакать, как будто ему жалуясь. И халиф удивился этому и сказал: "Расскажи мне историю этих двух собак и по какой причине ты их бьешь и оказываешь им уважение после побоев". - "О преемник Аллаха, - молвил Ибн Фадиль, - это не собаки, а люди - двое юношей, красивые и прелестные, стройные и соразмерные, и они - мои братья, дети моей матери и моего отца". - "А как же они были людьми и стали собаками?" - спросил халиф.

И Абд-Аллах сказал: "Если ты мне позволишь, о повелитель правоверных, я расскажу тебе истину об этом деле". - "Расскажи мне, - сказал халиф, и берегись лжи, ибо ложь - качество людей лицемерных. Будь правдив, ибо правдивость - корабль спасения и черта праведников".

"Знай, о преемник Аллаха, - молвил Ибн Фадиль, - что во время моего рассказа они будут свидетелями. И если я солгу, они обличат меня во лжи, а если я скажу правду, они подтвердят мою правдивость". - "Это собаки, и они не могут говорить или отвечать, - сказал халиф, - Как же они засвидетельствуют против тебя или за тебя?" - "О братья, - молвил Ибн Фадиль, - если я скажу слова лживые, поднимите головы и раскройте широко глаза, а если я скажу правду, опустите головы и зажмурьте глаза. Знай, о преемник Аллаха, - сказал он потом, - что нас три брата и у нас одна мать и один отец. И имя нашего отца было Фадиль, и его назвали этим именем только потому, что жена его отца родила двух сыновей-близнецов, и один из них умер в тот же час и минуту, а другой остался, и отец назвал его Фадилем [678]. И его отец воспитал его, и дал ему хорошее воспитание, и когда он вырос, женил его на нашей матери, и умер, и наша мать родила сначала этого моего брата, и отец назвал его Мансуром. А потом она понесла второй раз и родила вот этого моего брата, и отец назвал его Насиром, и моя мать понесла третий раз и родила меня, и отец назвал меня Абд-Аллахом. Он воспитывал нас, пока мы не выросли и не достигли зрелости мужчин, а потом умер и оставил нам дом и лавку, полную разноцветной материи из материй всех сортов - индийских, румских, хоросанских и других, и еще он оставил нам шестьдесят тысяч динаров.

И когда наш отец умер, мы отмыли его и вырыли ему могилу и похоронили его на милость владыки. Мы устраивали по нем моления и чтения Корана и раздавали милостыню до завершения сорока дней. А потом, после этого, я собрал купцов и знатных людей и устроил для них великолепный пир, и когда они поели, я сказал им: "О купцы, здешняя жизнь преходяща, а последняя жизнь вечна, и да будет хвала тому, кто вечен после исчезновения его тварей. Знаете ли вы, для чего я вас собрал в сегодняшний благословенный день к себе?" - "Да будет хвала Аллаху, знающему сокровенное!" - ответили они. И я сказал им: "Мой отец умер и оставил много денег, и я боюсь, что после него остался долг кому-нибудь, или залог, или что-нибудь другое. Я хочу освободить моего отца от ответственности за долги людям, и пусть тот, кому что-нибудь с него следует, скажет: "Мне с него следует то-то и то-то". И я передам ему это, чтобы освободить моего отца от ответственности". - "О Абд-Аллах, - сказали купцы, - земная жизнь не обойдется без дольней жизни, и мы не люди лжи. Каждый из нас знает, что дозволено, а что запретно. Мы боимся Аллаха великого и не хотим поедать имущество сироты. Мы знаем, что деньги твоего отца (да помилует его Аллах!) всегда оставались за людьми, а он не оставлял на своей ответственности ничего, принадлежащего другому, и всегда говорил в своих молитвах: "Бог мой, на тебя мое упование и надежда, не дай же мне умереть, когда на мне будет долг". Одним из его свойств было то, что, когда он был комунибудь должен, то отдавал это без требования, а если кто-нибудь был должен ему, он не требовал с него и говорил: "Не спеши!" Если же это был бедняк, он прощал ему долг и освобождал его от ответственности, а если это не был бедняк я он умирал, твой отец говорил: "Да простит ему Аллах то, что он мне должен! Мы свидетельствуем, что он не должен никому ничего". - "Да благословит вас Аллах!" - сказал я. И затем я обернулся к этим моим братьям и сказал им: "О братья, наш отец никому ничего не должен, и он оставил нам эти деньги, и материи, и дом, и лавку. Нас трое братьев, и каждому из нас полагается треть всего этого. Согласимся ли мы не делиться и останется ли наше имущество общим между нами и мы будем есть вместе и пить вместе, или же мы разделим материи и деньги, и каждый из нас возьмет свою долю". - "Мы разделимся, и каждый из нас возьмет свою долю", - сказали мои братья.

И Абд-Аллах обернулся ж собакам к спросил: "Было ли это, мои братья?" И собаки опустили головы и зажмурили глаза, как будто говоря: "Да".

И Ибн Фадиль молвил: "И тогда я привел делильщика от кади, о повелитель правоверных, и он разделил между нами деньги и материи и все, что оставил дам отец. Дом и лавку назначили мне на мою долю, взамен части того, что мне полагалось из денег, и мы согласились на это, и дом с лавкой вошли в мою часть, а братья взяли свою часть деньгами и материей. И я открыл лавку, и положил в нее материи, и купил на часть денег, которая досталась мне сверх дома и лавки, еще материи, так что наполнил лавку, и сед продавать и покупать. А что до моих братьев, то они купили материи и, наняв корабль, уехали по морю в чужие страны. И я сказал: "Помоги им Аллах, а мой надел придет ко мне, и отдыху нет пены".

И я провел таким образом целый год, и Аллах помог мне, и я стал получать большие доходы, так что у меня оказалось столько, сколько оставил нам всем отец. И в один из дней случилось, что я сидел в лавке, одетый в две шубы, одну соболью, а другую беличью, - так как дело было в зимнюю пору, во время сильного холода? И когда я так сидел, вдруг подошли ко мне мои братья, и у каждого из них была на теле рваная рубашка и ничего больше, губы у них были белые от холода, и они дрожали. И когда я увидел их, мне стало тяжело из-за этого, и я опечалился из-за них..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемьдесят первая ночь

Когда же настала девятьсот восемьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Фадиль говорил халифу: "И когда я увидел, что они дрожат, мне стало тяжело из-за того, и я опечалился, и разум улетел у меня из головы. И я поднялся, и обнял братьев, и стал плакать об их положении, и на одного из них я надел соболью шубу, а на другого - беличью шубу. И я отвел их в баню и послал туда каждому из них одежду купцатысячника. И когда они помылись, каждый из них надел свою одежду, а потом я взял их к себе домой. И я увидел, что они крайне голодны, и расстелил перед ними скатерть с кушаньями, и они поели, и я ел вместе с ними, проявляя к ним ласку и успокаивая их".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Абд-Аллах обернулся к собакам и спросил: "Было ли это, о мои братья?" И они опустили головы и зажмурили глаза.

"И затем я спросил их, о преемник Аллаха, - продолжал Ибн Фадиль, - и сказал: "Как это с вами случилось и где ваши деньги?" И они ответили: "Мы ехали по морю и вошли в город, называемый город Куфа. Мы продавали кусок материи, которому у нас цена полдинара, за десять динаров, а тот, что стоит динар, - за двадцать динаров, и нажили большую прибыль. Мы купили из персидских материй каждую штуку шелка за десять динаров, а она стоит в Басре сорок динаров, и потом мы вошли в город, называемый город аль-Карх, и продавали, и покупали, и нажили большую прибыль, и стало у нас много денет".

И я спросил их: "Если вы видели эту радость и благо, почему же вы, я вижу, вернулись голые?" И мои братья вздохнули и сказали: "О брат наш, поразил нас только дурной глаз, и в путешествии нет безопасности. Собрав эти деньги и блага, мы нагрузили наше имущество на корабль и поехали по морю с намерением направиться в город Басру. Мы проехали три дня, а на четвертый день мы увидели, что море стадо подниматься и опускаться, заревело, вспенилось, заходило и заволновалось и забилось волнами, и волны испускали искры, как огненное пламя. Ветер над нами менялся, и наш корабль ударился о выступ горы и разбился, и мы стали тонуть в море вместе со всем тем, что у нас было. Мы бились на поверхности воды один день и одну ночь. Но Аллах послал нам корабль, и те, кто ехал на нем, взяли нас, и мы ехали из города в город, и просили, и кормились тем, что добывали просьбой. Мы испытывали великую горесть и снимали с себя свои вещи и продавали их, кормясь этим, пока не приблизились к Басре. И мы достигли Басры не прежде, чем испили тысячу горестей, а если бы спаслись вместе с тем, что у нас было, мы бы привезли богатства, похожие на богатства царей. Но это определено нам Аллахом". И я сказал им: "О братья, не обременяйте себя заботой. Деньги - выкуп за тело, и спасение - добыча. Раз Аллах записал вас в число спасшихся, то это - предел желаний, а бедность и богатство не что иное, как тень призрака, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Когда голова мужей спасется от гибели,

Их деньги, поистине, обрезок ногтей для них.

О братья, - сказал я им потом, - мы будем считать, что наш отец умер сегодня и оставил нам все деньги, какие есть у меня. Моей душе приятно, чтобы мы их разделили между собой поровну".

И затем я призвал делильщика от кади и принес все мое имущество, и делильщик разделил его между нами, и каждый из нас взял треть денег. И я сказал своим братьям: "О братья, Аллах благословляет человека в его наделе, когда человек находится в своем городе. Пусть каждый из вас откроет себе лавку и сидит там, занимаясь торговлей: тот, кому что-нибудь предназначено в неведомом, неизбежно это получит".

И затем я помог каждому из них открыть лавку и наполнить ее товарами, и сказал: "Продавайте и покупайте и берегите ваши деньги, не тратя из них ничего, а все, что вам нужно из еды и питья, будет от меня". И я оказал им уважение, и они стали покупать и продавать днем, а вечер проводили у меня в доме, и я не давал им ничего тратить из их денег, и всякий раз, когда я сидел с ними и разговаривал, братья хвалили пребывание на чужбине и рассказывали о прелестях чужих стран, описывая, какая им досталась нажива, и подстрекали меня опасаться поехать с ними в чужие страны".

И Абд-Аллах спросил собак: "Было ли это, о мои братья?" И они опустили головы и зажмурили глаза, подтверждая его слова.

"О преемник Аллаха, - сказал потом Ибн Фадиль, - мои братья не переставали соблазнять меня и говорить о большой прибыли и наживе в чужой стране, призывая меня поехать с ними, пока я не сказал им: "Я обязательно с вами поеду, чтобы вас уважить".

И потом мы с ними вошли в компанию, и, собрав дорогую материю всевозможных сортов, наняли корабль, и наполнили его всякими товарами и запасами, и снесли на этот корабль все, что нам было нужно, и выехали из города Басры в полноводное море, в котором бились волны, и тот, кто въезжает в него, - пропал, а кто покидает его, - рождается вновь. Мы ехали до тех пор, пока не приехали в один город, и мы продали там и купили, и у нас оказалась большая прибыль. А потом мы уехали из этого города в другой и ездили из города в город и из селения в селение, продавая, покупая и наживая, пока у нас не оказались значительные деньги и большая прибыль. И мы подъехали к одной горе, и капитан бросил якорь и сказал: "О путники, выходите на берег, и вы спасетесь от зла этого дня. Поищите на берегу, - может быть, вы найдете воду". И все, кто был на корабле, вышли, и я тоже вышел, и мы принялись искать воду, и каждый из нас отправился в какую-нибудь сторону, а я поднялся на вершину горы.

И когда я шел, я вдруг увидел белую змею, которая мчалась, убегая, и за ней мчался черный дракон, безобразный обликом и ужасный на вид. И дракон настиг змею, и прижал ее, и схватил за голову, и обвился хвостом вокруг ее хвоста, и она закричала, и я понял, что дракон обижает змею, и меня охватила жалость. Я взял камень из камней, весом в пять ритлей или больше, и бросил его в дракона. И камень попал ему в голову и разбил ее. И не успел я опомниться, как змея сделалась молодой девушкой, красивой, прелестной, блестящей, совершенной, стройной и соразмерной, подобной светящейся луне. Она подошла ко мне, поцеловала мне руки и сказала: "Да покроет тебя Аллах двумя покровами - покровом от позора в здешней жизни и покровом от огня в жизни будущей в день великого предстояния, в день, когда не поможет имущество и сыновья никому, кроме тех, кто придет к Аллаху с сердцем здравым. О человек, - сказала она потом, - ты спас мою честь, и я обязана тебе за это благодеяние. Мне надлежит воздать тебе за это".

И она указала рукой на землю, и земля расступилась, и девушка опустилась в землю, и потом земля закрылась над ней, и я понял, что эта девушка - из джиннов. А что касается дракона, то в нем загорелся огонь и сжег его, и он превратился в пепел. И я удивился этому, и вернулся к своим товарищам, и рассказал им об этом. Мы проспали ночь, а под утро капитан вырвал якорь, распустил паруса и свернул концы, и мы поехали и ехали, пока земля не скрылась от нас, и не переставали плыть в течение двадцати дней, не видя ни земли, ни птицы, и вода у нас кончалась.

И капитан сказал: "О люди, пресная вода у нас кончилась". И мы сказали ему: "Выйдем на сушу, может быть, мы найдем воду". И тогда капитан воскликнул: "Клянусь Аллахом, я сбился с пути и не знаю дороги, которая ведет в сторону земли". И нас охватило сильное горе, и мы стали плакать и молиться Аллаху великому, чтобы он вывел нас на верную дорогу. А потом мы провели ночь в самом худшем состоянии, и от Аллаха дар того, кто сказал:

И сколько ночей я в печали провел

Младенец и тот от нее поседеет.

Но утро настанет, и тотчас придет

Поддержка Аллаха и близкая помощь.

И когда наступило утро, и засияло светом, и заблистало, - мы увидели высокую гору и, увидев эту гору, обрадовались и развеселились. И мы подъехали к этой горе, и капитан сказал: "О люди, выходите на берег, чтобы поискать воды".

И мы все вышли искать воду, но не увидели на берегу воды, и нас охватило огорчение из-за отсутствия воды. И потом я поднялся на вершину этой горы, и увидел за ней широкую круглую долину, протяжением в час пути или больше, и позвал моих товарищей, и они направились ко мне. И когда они подошли, я сказал: "Посмотрите на землю, которая за этой горой. Я вижу там город, высоко построенный, с колоннами, уходящими ввысь, и стенами, и башнями, и холмами, и лугами. Там, без сомнения, не может не быть воды и всяких благ. Пойдемте же со мной и отправимся в этот город. Мы принесем оттуда воды и купим то, что нам нужно из пищи, мяса и плодов, и вернемся".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И мои товарищи сказали мне: "Мы боимся, что жители этого города окажутся нечестивыми многобожниками и врагами веры и схватят нас. И мы станем пленниками у них в руках, или же они нас убьют, и мы сами будем пособниками своего убиения, так как ввергли себя в погибель и зло затруднения. Обольщенный самим собою недостоин хвалы, так как он подвергает себя злой опасности, и сказал о нем поэт:

Покуда земля-земля и небо есть небо - знай:

Прельщенный собой хвалим не будет, хоть спасся он.

Не будем же обольщаться сами собой". И я сказал им:

"О люди, у меня нет над вами власти, но я возьму моих братьев и отправлюсь в этот город". Но мои братья сказали мне: "Мы боимся этого дела и не пойдем с тобой". - "Что касается меня", - сказал я, - то я решил отправиться в этот город. Я полагаюсь на Аллаха и согласен на то, что он мне предопределил. Подождите же меня, пока я схожу туда и вернусь к вам..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемьдесят вторая ночь

Когда же настала девятьсот вовосемьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибн Фадиль сказал: "Подождите меня, пока я схожу туда и вернусь к вам".

"И я оставил их я шел, пока не дошел до ворот этого города, и я увидел, что это город удивительно построенный и диковинно расположенный, и стены в нем высокие, а башни укрепленные, и дворцы возвышаются, и ворота его сделаны из китайского железа, украшены и расписаны и ошеломляют разум. И я вошел в ворота и увидел каменную скамью, и там был человек, который сидел на ней, и на руке у него была цепочка из желтой меди, а на цепочке четырнадцать ключей. И я понял, что этот человек - привратник города, а в городе четырнадцать ворот. И я приблизился к этому человеку и сказал: "Мир с вами". Но он не ответил на мое приветствие, и я пожелал ему мира второй раз и третий, но он не дал мне ответа. И я положил ему руку на плечо и сказал: "Эй, ты, почему ты не отвечаешь на приветствие? Ты спишь, или глухой, или не мусульманин, что отказываешься ответить на приветствие?" И человек не ответил мне и не шевельнулся, и я всмотрелся в него и увидел, что он каменный. "Поистине, это удивительное дело! воскликнул я. - Вот камень, которому придан облик сына Адама, и ему не хватает только речи". И я оставил его, и вошел в город, и увидел человека, который стоял на дороге, и подошел к нему, и всмотрелся в него, и увидел, что это тоже камень. И я стал ходить по площадям этого города и всякий раз, как видел человека, подходил к нему и вглядывался в него, и оказывалось, что это камень. И я прошел мимо одной старой женщины, на голове которой была связка одежды, приготовленной для стирки, и, приблизившись к ней, вгляделся в нее и увидел, что она из камня, и связка одежды у нее на голове тоже каменная.

А потом я пошел на рынок и увидал масленика, и весы его были поставлены, и перед ним были всякие товары - сыр и другое, и все это было каменное.

И я увидел, что все торговцы сидят в своих лавках, а люди - одни стоят, другие сидят, и увидел мужчин, и женщин, и детей, и все они были каменные. И я вошел на рынок купцов и увидел, что всякий купец сидит в своей лавке, и лавки полны всевозможных товаров, и все они - из камня, но только материи подобны ткани паука.

И я стал рассматривать эти материи, и всякий раз, как я брал в руки одежду из материи, она превращалась у меня в руках в развеянную пыль. Я увидел сундуки и, открыв один из них, нашел в нем золото в мешках и взял мешки в руки, и они растаяли у меня в руках, а золото не изменилось и осталось как было. Я взял его сколько мог и стал говорить себе: "Если бы мои братья были со мною, они бы, наверное, взяли этого золота вдоволь, и мы бы воспользовались этими сокровищами, у которых нет обладателей". А потом я вошел в другую лавку и увидел, что там еще больше золота, но не мог уже взять больше, чем взял. Я пошел с этого рынка на другой рынок и оттуда еще на другой и так далее и видел всяких тварей разных по виду, и все они были каменные - даже собаки и кошки были из камня.

И я пошел на рынок ювелиров и увидел там мужчин, сидевших в своих лавках, и их товары лежали перед ними - часть их была у них в руках, а часть в корзинках. И когда я увидел это, о повелитель правоверных, я бросил бывшее со мной золото и взял ювелирных изделий, сколько мог снести.

Я вышел с рынка ювелиров на рынок торговцев драгоценностями и увидел, что купцы сидят в своих лавках, и перед каждым из них корзина, наполненная всякими драгоценностями - яхонтами, алмазами, изумрудами, бадахшаискими рубинами и прочими камнями всевозможных родов, а владельцы лавок были каменные. И тогда я бросил бывшие со мной

ювелирные изделия и взял столько камней, сколько мог нести, и я жалел, что со мной не было братьев, которые могли бы взять этих камней сколько хотят.

И я ушел с рынка драгоценных камней и прошел мимо больших ворот, расписанных и украшенных различными украшениями. А за воротами были скамьи, и на скамьях сидели евнухи, воины, телохранители, солдаты и судьи, и они были одеты в самые роскошные одежды, но все они были каменные. И когда я прикоснулся к одному из них, одежды осыпались с его тела, точно ткань паука. И я вошел в эти ворота и увидел дворец, которому нет подобного в постройке и прекрасном расположении. И в этом дворце я увидел приемную залу, наполненную вельможами, везирями, знатными людьми и эмирами, и все они сидели на скамеечках и были каменные. И я увидел престол из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, и на нем сидел человек в роскошнейших одеждах, на голове которого был венец Хосроев, украшенный дорогими камнями, которые испускали лучи, точно лучи дневного света. И, подойдя к нему, я увидел, что он из камня. Потом я направился из этой залы к дверям гарема. И, войдя туда, увидел диван женщин, и в этом диване я увидел престол из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, и на нем сидела женщина-царица, на голове которой был венец, окаймленный дорогими каменьями, и ее окружали женщины, подобные лунам, которые сидели на скамеечках и были одеты в роскошнейшие одежды, выкрашенные в разные цвета, и тут же стояли евнухи, сложив руки на груди, как будто они стоят, чтобы прислуживать. И этот диван ошеломлял смотрящих, так много было в нем украшений, диковинного убранства и великолепных ковров. В нем висели самые яркие лампы из прозрачного хрусталя, и в каждом из хрустальных котелков был бесподобный яхонт, цену которого не покрыть деньгами. И я бросил, о повелитель правоверных, то, что было со мной, и стад собирать эти камни, и поднял их сколько мог.

И я не звал, что мне взять, а что оставить, так как увидел, что это место подобно сокровищу из сокровищ какого-нибудь города. И затем я увидел маленькую дверь, за которой была лестница, и, войдя в эту дверь, поднялся на сорок ступенек и услышал, что кто-то читает Коран нежным голосом. И я пошел на этот голос и дошел до дверей комнаты. И тогда я увидел шелковую занавеску, украшенную золотыми шнурками, на которых были нанизаны жемчуга, кораллы, яхонты и куски изумруда, и драгоценные камни сияли на них, как сияют звезды.

Голос слышался из-за этой занавески, и, подойдя к занавеске, я поднял ее, и передо мной предстала разукрашенная дверь дворца, смущающая мысли. Я вошел в эту дверь и увидел дворец, подобный сокровищу на лице земли, и в глубине его - девушку, подобную сияющему солнцу посреди безоблачного неба.

И она была одета в самые роскошные одежды и украшена самыми лучшими, какие бывают, драгоценностями. При этом сама была дивно красива и прелестна - стройная, соразмерная, изящная и совершенная, с тонким станом, тяжкими бедрами и слюной, исцеляющей больного, и томными веками, и как будто ее имел в виду в своих словах сказавший:

Привет ее стану, под одеждой сокрытому,

И розам, в садах ланит ее расцветающим!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Как будто Плеяды на челе ее светятся,

А прочие звезды - на груди в ожерелий.

Когда б в одеяние оделась она из роз,

Плоды ее тела листья роз окровавили б

Когда б в море плюнула, - а море соленое,

Поистине, слаще меда вкус моря б сделался.

А если б сошлась она со старцем на костыле,

Поистине, мог бы он льва ярого разорвать.

И Абд-Аллах ибн Фадиль продолжал: "О повелитель правоверных, когда я увидел эту девушку, меня охватила любовь к ней, и я подошел к ней ближе и увидел, что она сидит на высокой скамеечке и читает книгу Аллаха, великого, славного, по памяти, из глубины сердца, а голос ее - точно скрип ворот рая, когда их открывает Ридван, и слова, выходя из ее уст, рассыпаются, как драгоценные камни, а лицо ее дивно прекрасно, красиво и блестяще, как сказал о подобной ей поэт:

О волнующий языком своим и свойствами,

Все сильней во мне и любовь к тебе и привязанность.

Твои два свойства любящих расплавят всех

Дауда звуки и лицо Иосифа.

И когда я услышал звуки ее голоса при чтении великого Корана (а мое сердце читало в ее чарующих глазах привет по слову владыки милосердого), я запутался в словах и не мог хорошо ее приветствовать. Мой разум и слух были ошеломлены, и я стал таким, как сказал поэт:

Любовь потрясла меня, и речи лишился я,

И в стан я вошел, чтоб кровь спасти от пролития.

И речи хулителей я слушал лишь для того,

Чтобы страсть свою высказать любимой в словах моих.

И затем я набрался стойкости против ужасов любви и сказал ей: "Мир тебе, о госпожа, охраняемая и драгоценность скрываемая. Да утвердит Аллах навеки устои твоего счастья и да воздвигнет опоры твоей славы". И женщина ответила: "И тебе от меня мир, привет и уважение, о Абд-Аллах ибн Фадиль! Приют, уют и простор тебе, о мой любимый и прохлада моего глаза!" - "О госпожа, - спросил я, - откуда ты узнала мое имя? Кто ты сама такая, и что такое с жителями этого города, что они сделались камнями? Я хочу, чтобы ты рассказала мне истину об этом деле, - я дивлюсь на этот город и на его жителей и на то, что в нем не найти человека, кроме тебя. Ради Аллаха, расскажи мне об этом".

И девушка сказала: "Садись, о Абд-Аллах, и, если захочет Аллах великий, я расскажу тебе и сообщу истину об этом деле и истину о деле этого города и его жителей подробно. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!" И я сел рядом с девушкой, и она сказала: "Знай, о Абд-Аллах (помилуй тебя Аллах!)" что я дочь царя этого города, и мой родитель - это тот, кого ты видел сидящим в диване на высоком престоле, а те, кто вокруг него, - вельможи его правления и знатные люди его царства. Мой отец обладал великой мощью и повелевал тысячей тысяч и сотней тысяч и двадцатью тысячами воинов, а число эмиров его правления двадцать четыре тысячи, и все это - судьи и обладатели должностей. Под властью моего отца была тысяча городов, кроме селений, поместий, крепостей, укреплений и деревень, и число эмиров арабов, подвластных ему, тысяча эмиров, а каждый эмир повелевает двадцатью тысячами витязей. У него сокровища, богатства, металлы и драгоценные камни, каких не видел глаз и не слышало ухо..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемьдесят третья ночь

Когда же настала девятьсот восемьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что дочь царя каменного города сказала: "О Абд-Аллах, у моего отца были сокровища и богатства, каких не видел глаз я не слышало ухо. И он покорял царей и губил богатырей и храбрецов на войне и на поле битвы, и его боялись великаны, и смирились перед ним Хосрои. И при всем этом он был нечестивец, предававший Аллаху товарищей и поклонявшийся идолам вместо своего владыки, и все его воины были нечестивцы и поклонялись идолам вместо всезнающего владыки. И случилось, что в один из дней он сидел на престоле своего царства, окруженный вельможами правления. И не успел он опомниться, как вошел к нему какой-то человек, и диван осветился светом его липа. И мой отец посмотрел на него и увидел, что он одет в зеленую одежду и высок ростом, и руки его спускаются ниже колен, и вид у него почтенный и достойный, и свет сияет от его лица. И этот человек сказал моему отру: "О жестокий, о притеснитель! До каких пор будешь ты обольщен почитанием идолов и станешь пренебрегать почитанием всезнающего владыки? Скажи: "Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед - раб и посол Аллаха". Прими ислам вместе с твоим народом. Оставь поклонение идолам они не помогут и не заступятся. Не почитают по праву никого, кроме Аллаха, подъявшего небеса без опоры и распростершего землю по милости к рабам". - "Кто ты, о человек, отвергающий поклонение идолам, что говоришь такие слова? - спросил мой отец. - Разве ты не боишься, что идолы на тебя разгневаются?"

И человек ответил ему: "Идолы - это камни, и не повредит мне их гнев, и не поможет мне их милость. Принеси твоего идола, которому ты поклоняешься, и прикажи каждому из твоих людей принести своего идола. И когда все ваши идолы будут здесь, помолись им, чтобы они на меня разгневались, а я помолюсь моему господу, чтобы он разгневался на них, и вы распознаете гнев творца и гнев твари. Ведь ваших идолов сделали вы сами, и в них вселились дьяволы, и это они говорят с вами из глубины утробы идолов. Ваши идолы сделаны, а мой господь - тот, кто делает, и ничто для него не трудно. Если нам станет ясна истина, - последуйте ей, а если станет вам ясно ложное, - оставьте ее". - "Дай нам доказательство о твоем владыке, чтобы мы его увидели", - сказали этому человеку. И он молвил: "Дайте мне доказательство о ваших владыках".

И тогда царь приказал каждому, кто поклонялся владыке из идолов, принести его, и все воины принесли своих идолов в диван, и вот то, что было с ними.

Что же касается меня, то я сидела за занавеской, возвышавшейся над приемной залой моего отца, и у меня был идол из зеленого изумруда, тело которого было величиной с тело человека, и мой отец потребовал его, и я послала его к нему в диван, и его поставили подле идола моего отца. А идол моего отца был из яхонта, а идол везиря - из камня алмаза. Что же касается начальников войск и подданных, то у некоторых были из бадахшанского рубина, у некоторых из карнеола, а у некоторых из коралла. Некоторые же идолы были из

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
камарийского алоэ, некоторые из эбена, некоторые из серебра, а некоторые из золота, и у каждого из вельмож был такой идол, какой позволяла сделать его душа. Что же касается простого народа из солдат и подданных, то некоторые их идолы были из кремня, некоторые из дерева, некоторые из глины, а некоторые из грязи, и все идолы были разноцветные - желтые, красные, зеленые и белые.

И этот человек сказал моему отцу: "Помолись твоему идолу и вот этим идолам, чтобы они на меня разгневались". И идолов рассадили диваном; идола моего отца посадили на золотой престол и моего идола посадили подле него на почетном месте, а других идолов поставили каждого на место его владельца, который ему поклонялся.

И мой отец поднялся, и пал ниц перед своим идолом, и сказал ему: "О мой бог, ты - великодушный владыка, и нет среди идолов большего, чем ты. Ты знаешь, что этот человек пришел ко мне, чтобы поразить твое господство, и он издевается над тобой, и говорит, что у него есть бог сильнее тебя, и приказывает нам оставить поклонение тебе и поклоняться его богу. Разгневайся на него, о мой бог".

И он стал просить идола, а идол не отвечал ему и не обращал к нему речи, и мой отец сказал: "О мой бог, не таков твой обычай, так как ты говорил со мной, когда я к тебе обращался. Почему же это, я вижу, ты молчишь и не разговариваешь? Ты рассеян или спишь? Проснись, помоги мне и заговори со мной". И затем он потряс его рукой, но идол не заговорил и не сдвинулся со своего места. И тот человек сказал моему отцу: "Что это, я вижу, твой идол не говорит?" И мой отец ответил: "Я думаю, что он рассеян или спит". - "О враг Аллаха, - сказал тот человек, - как ты поклоняешься богу, который не говорит и нет у него ни над кем власти, и не поклоняешься моему богу, который близок и внимает, присутствует и не исчезает, и не рассеян он, и не спит, и не постигает его воображение? Он видит, но невидим, и он властен над всякой вещью, а твой бог бессилен и не может отразить от себя зла. В него вселился дьявол, битый камнями, который уводил тебя с пути и обманывал, а теперь его дьявол исчез. Поклонись же Аллаху и засвидетельствуй, что нет бога, кроме него, и никому, кроме него, не поклоняются. Никто, кроме него, не достоин поклонения, и нет блага, кроме его блага. Что же касается этого твоего бога, то он не может отразить зло от себя. Как же он может отразить его от тебя? Посмотри своими глазами, какова его слабость".

И этот человек подошел и стал бить идола по шее, так что тот упал на землю, и царь рассердился и сказал присутствующим: "Этот вероотступник дал затрещину моему богу! Убейте его!" И они хотели подняться, чтобы его ударить, но никто из них не мог подняться с места, и этот человек предложил им ислам, но они не предались Аллаху. И тогда он сказал: "Я покажу вам гнев моего владыки". - "Покажи", - сказали они. И человек простер руки и сказал: "Бог мой и господин, в тебе мое упование и надежда, ответь моей молитве против этих нечестивых людей, которые поедают твое благо и поклоняются другому. О истинный, о всевластный, о творец ночи и дня, прошу тебя, чтобы ты превратил этих людей в камни. Ты могуч, не обессилит тебя ничто, я властен ты во всякой вещи".

И Аллах превратил жителей этого города в камни, а что касается меня, то, увидев доказательство этого человека, я обратила свое лицо к Аллаху и спаслась от того, что их поразило.

И этот человек подошел ко мне и сказал: "Пришло к тебе от Аллаха счастье, и была в этом воля Аллаха".

И он стал меня учить, и я дала ему обет и клятву, и было мне в это время семь лет, а сейчас мне стало уже тридцать лет. И я сказала этому человеку: "О господин мой, все, что есть в этом городе, и все его жители стали камнями, по твоей праведной молитве. А я спаслась, приняв ислам при твоей помощи, и ты мой шейх. Скажи же мне, как твое имя, и поддержи меня своей поддержкой и добудь мне пропитание". И человек ответил: "Мое имя Абу-ль-Аббас-аль-Хыдр". И затем он посадил своей рукой дерево граната, и оно выросло, принесло листья и цветы и тотчас же дало один плод граната. "Ешь то, чем наделил тебя Аллах великий, и поклоняйся ему достойным поклонением", - сказал этот человек.

И затем он научил меня правилам ислама, правилам молитвы и способу богопочитания и научил меня читать Коран, и вот двадцать три года, как я поклоняюсь Аллаху в этом месте, и каждый день это дерево сбрасывает для меня гранат, и я съедаю его и питаюсь им от одного дня до другого. А аль-Хыдр - мир с ним! - приходит ко мне каждую пятницу. Это он осведомил меня о твоем имени и оповестил меня о том, что ты скоро придешь ко мне в это место, и сказал мне: "Когда он к тебе придет, окажи ему уважение и повинуйся его приказу беспрекословно. Будь ему женой, и он будет тебе мужем, и пойди с ним туда, куда он захочет". И, увидев тебя, я тебя узнала, и вот рассказ об этом городе и его жителях, и конец".

И потом девушка показала мне дерево с гранатами, и на нем был плод граната, и девушка съела половину его и дала мне съесть половину, и я не едал ничего слаще, приятнее и вкуснее, чем этот гранат.

А потом я спросил ее: "Согласна ли ты на то, что приказал тебе твой шейх аль-Хыдр (мир с ним!), и хочешь ли ты быть мне женой, чтобы я был тебе нужен, и уйдешь ли со мной в мою страну, и я буду жить с тобой в городе Басре?" И она ответила: "Да, если захочет Аллах великий, я буду послушна твоему слову и покорна твоему приказу, не прекословя тебе". И я взял с нее верную клятву, и она отвела меня в кладовую своего отца, и мы забрали оттуда столько, сколько могли снести, и вышли из этого города.

И мы шли до тех пор, пока не пришли к моим братьям, и я увидел, что они меня ищут. И братья сказали мне: "Где ты был? Ты заставил нас ждать, и наши сердца были тобой заняты".

А что касается капитана корабля, то он сказал мне: "О купец Абд-Аллах, ветер для нас хорош уже некоторое время, и ты задержал наш отъезд". - "В этом нет вреда, - ответил я, - и, может быть, задержка была полезна, так как в моем отсутствии не было ничего, кроме пользы, и я получил исполнение надежд. От Аллаха дар того, кто сказал:

Не знаю я, когда направлюсь в землю,

Желая блага, - что меня постигнет,

Добро ль, к которому стремлюсь упорно,

Иль зло, которое ко мне стремится".

И затем я сказал им: "Посмотрите, что мне досталось во время этой отлучки". И показал им, какие у меня были сокровища.

Я рассказал, что видел в каменном городе, и сказал: "Если бы вы меня послушались и пошли бы со мной, вам бы досталось всего этого много..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.